

11.99

Елена САНАЕВА

ЖИЗНЬ НА ВЫРОСТ

В честь него играет музыка

По паспортным данным, Ролан родился 12 ноября 1929 года. Его мама вспоминала: «Когда Ролана везли из роддома, звучал оркестр и маршировали красноармейцы». Она сказала: «Наш сын будет замечательным человеком — в честь него играет музыка». Готовились к параду 7 ноября. Всю жизнь мама утверждала, что родила Ролана 12 октября 1929 года. А он праздновал день рождения дважды: в октябре и ноябре. В метрике стоит месяц жовтень, по-украински — октябрь. Но при получении паспорта в милиции Ролану доказывали, что «Жовтенева революція» празднуется 7 ноября, поэтому и родился он в ноябре, так и записали.

Лет до двух Ролан не разговаривал, и одна знакомая, редкого такта, предположила: «А может быть, он идиот?» — «Бог с вами, посмотрите, какие у него глаза, он ведь все понимает», — возмутилась мама. Уже крохой Ролан проявлял характер. Если он чего-то не хотел делать, заставить его было невозможно. Когда дедушка захотел надеть внуку, бегавшему босиком по лужам, ботиночки, он понял, что легче сломать ему ножку, чем сделать это.

Мама

Эллочка Ситняковская. В замужестве Быкова. Мечтала стать актрисой. Поступила, но была отчислена, в основном за непролетарское происхождение: семья держала в Киеве папштенную. Встретив Быкова, влюбилась и легкомысленно поехала с ним в Баку, так как он обещал ей помочь с пролетарским происхождением. Но помог с рождением сына. Очень был удивлен, что она стала считать его мужем. Но женился и стал отцом двух сыновей — Геры и Ролана.

Лет с четырех Ролана ставили на стул, и он самозабвенно читал стихи. Сказывалась несбывшаяся мечта матери стать актрисой. Если до двух лет он молчал, то, заговорив, так спешил, что его с трудом понимали, — ему хотелось говорить так же быстро, как взрослые, а выговаривать все слова от начала до конца казалось невыполнимым.

Дети были смыслом жизни их матери. Она разучивала с ними стихи и песни, часто им пела сама. Учила их всему, что умела, даже вышиванию. Ругала только за отметки, внушала, что знание — это единственное, что нельзя потерять и что никогда не предаст. Гера и Ролан мать очень любили за ее веселый добрый нрав, за ее умение, как она говорила, «сделать вазу из ночного горшка».

Легкая в быту, легкая на ногу, готовая отправиться в любое путешествие, она делалась неодолимой, если вопрос касался защиты ее детей. Всю жизнь она старалась, чтобы братья дружили, не отдалялись. «Ролочка, позвони Гере, у него неприятности. Не обращай внимания, если он будет психовать, дай ему мудрый совет, мама для него уже не авторитет». «Герочка, несмотря на то, что ты нездоров, ты должен поехать к Ролану, мне не нравится его голос». И он ехал. «Мои дети живы, пока я жива». Умерла она в девяносто один год. Любопытство к жизни она не теряла до последних дней. Уже почти слепая, диктовала своим сыновьям стихотворные поздравления. Редкая женщина.

Отец

Отец Ролана Антон Михайлович Быков — личность легендарная. О нем можно писать роман. Прошел четыре войны: первую империалистическую, как говорили в советские времена, а сейчас I Мировую, гражданскую, финскую и Отечественную, или II Мировую. В Первую мировую служил в кавалерии в разведке. Попал в плен в Австрию, трижды бежал, последний раз успешно. В гражданскую Антон стал командиром отряда кавалерийской разведки у Махно, позже они вошли в состав Первой армии Буденного, где он служил под началом Городовикова. Много лет — потом отец получал открытки с поздравлениями от Буденного. После гражданской в начале 20-х его трижды посылали в Германию сначала под своим именем Семена Гордановского, второй раз под фамилией Дик, третий — Гордановский-Быков Антон Михайлович. Два раза из Германии его высылали. Разведчик из него не получился. А фамилия Быков и имя Антон Михайлович остались. И возможно, это его спасло. Человек он был талантливый, поднимался по службе, где бы ни работал. Когда взрослые сыновья спросили его: «Батя, как получилось, что ты уцелел в годы репрессий?», он ответил: «Сыночки, як я кому застил (загораживал), я тикал». Придраться к нему можно было «за бытовое разложение», был он страстен, влюбчив, чем немало горя доставлял своей жене, матери Ролана. К тому же отличался бешеной ревностью. Она называла его «ужас мира, зло

12 ноября исполнилось бы 70 лет Ролану Антоновичу Быкову. Исполнилось бы. Он был из плеяды актеров великих. Сыграл столько — в театре, в кино, — что ролей хватило бы на счастливую жизнь нескольких талантливых людей. Можно и не называть сыгранное им — оно возвращается к нам снова и снова, каждый раз убеждая в уникальности его дара, равно заставляющего смеяться, плакать, восхищаться. Но все-таки трех ролей, предназначенных ему, он не сыграл, хотя мог и должен был стать Пушкиным, королем Лиром, Ноздревым. С убежденностью говорим **должен и мог** — в других его ролях с избытком было то, что, соединившись в одной, доставило бы нам, зрителям, и, наверное, ему самому минуты счастья. Но зачем о том, что не было сыграно? Может быть, затем, что, когда человек уходит, он заставляет взглянуть на себя более пристально. "ЭС" предлагает читателям фрагменты записок жены и друга артиста Елены Санаевой из литературно-художественного альбома о жизни и творчестве Ролана Быкова, который выходит в свет ко дню его рождения. Чтобы это издание осуществилось, Центру Ролана Быкова помогли многие. От администрации Президента РФ, Госкино России до ООО "Прага — АСТ".

природы». Любила по-своему, и все же вздохнула с облегчением, когда он обосновался во Львове и завел другую семью.

Из письма отца Ролану

«Дедушка твой Героним-Константин Константинович Гордановский был литейщиком. Теперь ты знаешь, почему твоего брата зовут Героним. Со своими родственниками в Польше он не знался. Бабушку звали Лойзочка Элебрант. Ее дед перебрался из Пилзена на Украину и в Александрове (теперь Запорожье) держал пивную. Они познакомились с отцом и поженились. Вероисповедания они были разные — католик и лютеранка. При женитьбе приняли православие, таков был закон. Имя бабушки стало Анна».

Дед Ролана погиб при взрыве на заводе «Арсенал» в Киеве. Бабушка уехала к родне в Запорожье. Она хорошо относилась к матери Ролана и, ругая сына за его «приключения», написала ему однажды в письме: «А шо нет того пультмановского вагона, который привез бы от тебя гроши?». В старости она работала в фотоателье кассиром.

Когда Ролану было восемнадцать лет, его вызвали в НКВД, взяли подписку о неразглашении и заставили подписать документы об отказе от имени под Краковом, принадлежавшего Гордановским. Брат в это время служил на флоте, поэтому был вызван Ролан. Из кабинета привезли на вокзал, посадили на поезд и повезли в Польшу, там тоже заставили подписать документы. Даже в туалет его сопровождали двое с оружием. Возили и в имение, где Ролану запомнился большой деревянный дом с колоннами. Садовник в имении все ходил за Роланом и просил не отказываться от земли, земли было много. Так он узнал, что имя его отца Семен Константинович Гордановский, что он хорошего польского рода, а под фамилией Антон Быков был в командировке в Германии в начале двадцатых, и эта фамилия за ним осталась.

Зацепы

Когда Ролану было четыре года, семья пере

еехала в Москву. Сначала переехал отец с Герой, а позже мама с Роланом. Они поселились в Первом Зацепском проезде возле Павелецкого вокзала, откуда самый дальний путь лежал в Астрахань. Дом 5/11 был бывшими «нумерами» при вокзале, без удобств, с печным отоплением. Со временем там оседали люди, чье положение сильно ухудшалось и кто, продав или обменяв квартиру, селился здесь. Сорок три комнаты при двух шумящих примусах, кухне, одном туалете, где мочи бывало по цыколотку, и на пол клались кирпичи. На двери табличка «Дамская уборная — Pour Dames». Табличку, уезжая в 24 года с Зацепы, Ролан забрал и хранил всю жизнь. Семья получила комнату в двенадцать метров. Младший спал в ногах у родителей, позже на столе.

Дом пионеров

Мама и дом пионеров были спасительным якорем в жизни братьев Быковых. Мало кто из их двора вышел в люди. Кого убили, кого посадили. Городской дом пионеров, или попросту Гордом, находился в переулке Стопани.

Чем он был тогда, этот дворец, для ребят, попавших в него из коммуналок, подобных той, в которой жил Ролан?! Эти «дети асфальта» чувствовали себя Золушками, попавшими на бал к королю. Мраморные лестницы, ажурные перила, дивные люстры, роскошный паркет, фонтан и огромные аквариумы с невиданными рыбками. Но главное, масса кружков и студий с замечательными педагогами.

Пел он и в знаменитом Локтевском хоре. Хор выступал в Колонном зале. Когда два мальчика, один из которых был Ван Ю Ли, солировали и выводили: «Родина слышит. Родина знает, где ее сын в облаках пролета-а-ает», сердца у слушающих замирали от счастья и глаза увлажнялись. Родина слышит! Родина знает! Так в это верилось.

Танцевальной студией руководила знаменитая Елена Росссе. Скольких замечательных шахматистов, актеров, режиссеров дал стране этот Гордом. Н.Бессмертнова, В.Васильев, Р.Быков, С.Никоненко, А.Митта, С.Ростоцкий,

Л.Нечаев, В.Бровкин, Св.Мизери, Л.Касаткина, В.Печников, Т.Синявская, В.Андреев, В.Соколов, И.Кваша, художник Б.Неменский, писатель Ю.Трифонов — всех не перечислишь. Но и те, кто не связал свою жизнь со сценой, кто выбрал другие профессии, стали людьми, для которых открылась дорога к прекрасному.

Братья

Когда родился Ролан, его брат Гера бегал и всем говорил: «У меня родился братишек». Как младший Ролан иногда вредничал, и Гере попадало, но все равно его любовь к брату от этого не делалась меньше. Они были очень дружные братья, но война их надолго разлучила. Мама и Ролан из эвакуации в Йошкар-Оле вернулись домой в Москву, а Гера после девятого класса попал в школу краснофлотцев и от Йошкар-Олы, учась, добрался до Кенигсберга, где он девять месяцев воевал радистом на бронетанкере, участвовал в тралении мин у берегов Финляндии, с марта 1945-го сопровождал конвой в Прибалтике и 26 апреля участвовал в десанте на косу Фриттерунг. Так что у бывшего девятиклассника было много шансов не дожить до Победы, но он, видно, родился в рубашке. Находясь во флоте, он сдал экзамены, поступил в Ленинградскую военно-медицинскую академию. Домой приезжал ненадолго. Очень скучал по семье. Всю войну и учебу братья переписывались. Эти письма — удивительные документы человеческой чистоты, порядочности и доброты.

Из тетрадей Ролана

Йошкар-Ола. 11 ноября 1943. Теперь Гера в армии. Сегодня по радио общили, что погибли смертью храбрых два летчика Гаврилов и Быков. Странно режет слух. Гера уехал. Лаг целый день воеет, забившись в будку. Гадко на душе. «Эй, вы, откуда вас таких выковырнули?!» «Выковыренными» называли в Йошкар-Оле эвакуированных. Плохое настроение — нечистоплотность души. Вот именно!!!

5 мая, 1945. Гера написал очень интересное письмо. Он совсем хорошо работает над собой — из него выйдет Человек!

Надо подумать, отчего мне так трудно стало писать стихи, ведь я раньше в 15 минут катал «стихотворение». Пускай «стихотворение», но в рифмах я не чувствовал затруднений. Мысли вертятся, не останавливаясь.

Свободные народы должны неустанно и ревностно охранять свою свободу.

22 июня 1945. Началось лето. Надо не «переживать» момент, а прямо начинать работать над собой. Чего во мне нет? Организованности и образования. Я окончательный профан, я перешел в девятый класс, не прочитав хотя бы нескольких русских классиков.

1 сентября 1945. Сейчас мне в метро сказали: «Вот стоит и молчит — сразу видно суворовец». Почему? Идиотизм.

5 июля 1945. На нашем Дубининском рынке «работает» компания инвалидов, в основном слепые. Гадания всех видов, шулерские игры в три карты, вытаскивание счастья морской свинкой. Продавец папирос (инвалид на одной ноге): А ну, твари, экран и сцена —

Покупай по паре!
Рубь штука.
Возьмешь, закуришь и пойдешь.

- 1 сентября 1945. Воскресенье.
1. Починить выключатель.
2. Сходить в баню.
3. Наколоть дрова в 18-ю квартиру.
4. Уроки.
5. Записаться в библиотеку напротив школы.
6. Стихи.

Сегодня 18 октября 1946 г.

Твердо решил добиваться постановки пьесы Светлова «20 лет спустя». Эта пьеса выражает все мои мысли. Это вопросы юности, любви, дружбы. Настоящего комсомола... все описать невозможно. Я все время думал о ломке старого, о новом поколении, о настоящих людях. Нет, не умею я описывать. Трудно все в том, что я в десятом классе, и это надо понимать. Неужели во мне нет ни капельки воли, организованности. Даже если нет, надо выработать. Если я не войду в колею, мне надо или убить себя, или бросить мечтать о самом лучшем — театре!

Господи, помоги мне, если ты есть!
Ну, благословляю тебя, Ролан!

Пока. А именно к утру 9 ноября 1946 г. ничего не сделал по высшим желаниям. Все равно вперед. Я побит, начну сначала (Р. Ролан). Ну, живее за дело. Уроки. Студия. Злата. Школьные дела.

Москва, 5 августа 1947 г.

Прошло пять месяцев жизни. Лихих пять месяцев! Много ли я за них сделал? Очень мало! Просто мизерно. Как далеко мне до идеала. Просто до человека далеко. Надо начинать читать! Время есть, и книги есть, буду! Вот только все отодвигается на задний план вступительными. Не может быть, чтобы я не попал. Вернее, даже очень может быть, но не должно этого быть.

7 августа.

Не прошел! (Второе поражение). Принял спокойнее.

18 августа.

Вновь не прошел. Теперь засыпался на втором туре в ГИТИСе. Принял с трудом. Там вел себя прилично, но дома раскис и доставил всем очень много беспокойства, лег и не вставал до ночи. Милые ребята так волновались за меня, и Моргунов, и Наталья Александровна.

Но я буду в театре. Непременно буду. Буду замечательным режиссером. Я не потеряю этот год, я отдам его подготовке для поступления на режиссерский факультет, если никуда не пройду. Мне только 17 лет — развитие мое не останавливается, отсрочивается только день моего диплома, но нет худа без добра. Судьба не может побить третью карту.

20 августа 1947.

В 6 часов вечера сдаю в Вахтанговский. Неужели опять удар по самолюбию. Скорее всего, мой рост и моя дикция!!! Я, кажется, допустил ошибку. Надо было сразу идти на режиссерский в ГИТИС. Все стараются меня утешить. Но как больно. Слезы закипают. Громадных усилий стоит остановить их в душе.

27 августа 1947.

Сегодня довольно удачный день. Прошел конкурс в Щукинском и в МГТУ. Пока ни о чем писать не буду — не хочу искушать судьбу.

31 августа 1947.

Сдал последний экзамен. Значит, если ничего не случится дальше, я студент Театрального училища им. Щукина. Ура и да здравствует! Смешно. Впечатлений новых масса, но ни о чем не хочется писать. Ребята неплохие, есть с кем дружить.

2 сентября 1947.

Вот оно — сбылось! Сбылась мечта очень многого, очень долгого времени. И сколько сразу захотелось! Но очень, очень хорошо, что не вышло иначе. В училище каждый день мастерство. Мне нравится очень, я просто... Ну не в восторге, а около этого.

О чем я тоскую? Чего мне надо? Бог его знает. Я счастливый человек, что попал сюда, а не куда-нибудь в другое место! Скоро мне 18 лет.

8 октября 1947. Перечитал обе свои тетрадки с большой пользой. Я себе ставил задачи:

1. Не врать
 2. Не болтать.
 3. Не позировать.
 4. Не терять времени.
- Надо сказать, по всем четырем пунктам я сделал довольно много.

Хочется видеть Злату. Хочется знать, любила она или играла. Я любил, наверное, так и не разлюбил. Надо бросить курить. Надо с утра знать, что будешь делать днем, а вечером знать, что будешь делать утром. Апрель 1948 г.

Евгений Симонов
РОЛАН БЫКОВ (вступительное слово на творческом вечере в ВТО 21 октября 1958 года)

Я отлично помню, как в 1947 году во время вступительных экзаменов в Театральном училище имени Щукина на сцену вышел Ролан Быков.

Тогда у него еще не было высшего театрального образования, в Московском театре юного зрителя еще не знали, что именно он за семь сезонов сыграет на сцене этого театра свыше 40 ролей, кинозрители еще не видели его на экране. Ролан Быков только начинал свой путь, путь талантливого художника, наверное, тогда Ролану Быкову и в голову не приходило, что ему в будущем предстоит возглавить университетский театр и поставить со студентами университета спектакль «Такая любовь», который станет одним из интереснейших событий театрального сезона 1957-58 года.

Да, конечно, обо всем об этом тогда не думал Ролан Быков. Но глаза его были полны уверенности, в его движениях чувствовалась целеустремленность, голос его звучал насыщенно, и я помню, как вся комиссия была искренно удивлена поразительным артистизмом этого молодого человека.

Как полководец, который проходит путь от рядового солдата до главнокомандующего, Ролан Быков в нашем театральном доме прошел все стадии актерского бытия. Он играл массовки, испытал весь нечеловеческий ужас срочных вводов в центральные роли, ему поручали эпизоды, а затем наступил и долгожданный момент сосредоточенной работы над ролями большими и серьезными.

Творческий вечер в ВТО — знаменательное событие в жизни каждого, кто такого вечера удостоился.

Сейчас откроется занавес, и мы будем живыми свидетелями творчества Ролана Быкова.

Вахтангов, заканчивая труд, часто говорил: «Дальше, дальше, дальше».

Мне тоже хочется закончить напутствие словами Евгения Багратионовича Вахтангова — Ролан, «Дальше, дальше, дальше!».

ПЕРВЫЕ РОЛИ

Дебют в кино состоялся в 1955 году на киностудии имени Довженко в фильме «Педагогическая поэма» в небольшой роли колониста Степана Перца. Наглый, легкий, тушующийся перед Макаренко, с замечательным выходом в танец, в который он влетал, точнее, планировал с 4-метровой высоты. Не зря его приглашали по окончании института солистом в Краснознаменный Балтийский ансамбль песни и пляски. Правда, на третьем дубле он так приземлился, что коленками вышиб из себя дух, но все же станцевал. На студии имени Довженко его заметили, и он плавно перешел на главную роль к режиссеру Якову Базеляну в фильм «Пути и судьбы». Это было время малокартинья. И как-то так получилось, что почти все фильмы снимались в Киеве, который собрал целый букет замечательных и талантливых актеров. От изысканного А.Вертинского, дивной Ады Войчик, сверкающей белоснежной улыбочкой А. Ларионовой, милейших А.Толбузина и Ю.Саранцева, вахтанговца Ю.Панича, до всеобщего любимца, красавца-атлета Жоры Юматова, переплывавшего весной Днепр. Они угощали друг друга розыгрышами, шутками, житейскими историями. Появились небольшие деньги. Недалеко от гостиницы был ресторан, где Ролан регулярно заказывал себе котлету по-киевски. Но однажды почему-то не заказал и потом не ел уже никогда. Снимаясь в «Пути и судьбах», выйдя из гостиницы в игровом «габардине» и прогуливаясь в ожидании машины, он потерял сознание от внезапно накатившего приступа язвы. Отправляясь на съемку, он не умел о себе позаботиться, взяв термос, пару бутербродов. Боясь приступить и стесняясь своей язвы, Ролан попросил однажды притормозить на окраине города и забегал в булочную прикупить что-нибудь с собой. За прилавком стоял замечательно крупный мужчина с огромными усами и матово-розовыми щеками. Выбор в магазине был небольшой, кексы и баранки. «У вас баранки свежие?» Продавец молча покачал головой, скрепив на могучей груди руки. «А кексы?» Глубокий вздох. «Визмить лучше баранки». Всегда, когда не было выбора, мы говорили друг другу: «Визмить лучше баранки».

На студии имени Горького с картиной о целине запустились Я.Сегель и Л.Кулиджанов. Быков озвучивал на студии роль у А.А.Роя. Этот светлейший человек был очень доволен работой Ролана, он в перерывах водил его в обнимку по студии, всех останавливал и говорил: «Запомните этого молодого человека, он очень талантлив, он еще себя покажет». С легкой ли руки А.А.Роя или просто о нем прослышали, но Яков Сегель и Лев Кулиджанов пригласили Ролана на роль хулигана Васи Лапшина в фильме «Это начиналось так». В конце картины они подарили ему свои портреты с теплыми надписями и словами благодарности за проделанную работу, а также с надеждой на встречу в будущих ролях.

А вот на Ленфильм к режиссеру А.Граннику на кинокартину «Наш корреспондент» он попал по ошибке. Вызывали, ждали и встретили Леонида Быкова, а телеграмму послали Ролану Быкову в ТЮЗ. Он приехал. Никто не встречает. Настроение испортилось, но все же добрался до студии, зашел в группу. Там мимо него ходят и ругают Быкова.

«Представляете, Быков — свинья, не приехал». — «Я приехал». — «Вы что, Быков?» — «Да, вот ваша телеграмма». Поняли, что ошиблись. Но раз телеграмму показывает, за дорогу придется платить. «Пойдемте на фотопробу. Вы в сценарий загляните». Заглянул. «В котловане стоял русоволосый сибирский парень» — первое, что он прочел. В костюмерной дали первую попавшуюся «рабочую» одежду. Он отказался ее надевать. «У нас нет другой». — «Я не спешу, давайте поищем». Подобрал, по-своему, как ходили у них рабочие паренки на Зацепе. Пиджачок «не маркий», безрукавочка, «бобочка», под ней маечка, а сверху легкий шарфик для фасона. На голову кепочка, козырек на два пальчика и «прохоря». Собственный вид его устроил. Теперь надо было найти грим. Попробовали варианты причесок, не то, не то. Уже в зеркале на него засеркали две пары ненавидящих глаз гримера и ассистентки. По ошибке приехал, и еще чего-то ищет! «Девушки, а нет ли у вас женских локонов?» — «Вы что, женщины хотите выглядеть?» — «Посмотрите все же, пожалуйста», — преодолевая их неприязнь и нежелание, попросил Ролан. Обдавая его презрением, гримерша принесла локоны. Пристроил локоны, цель была сделать кудрявый чуб, который деревенскому паренку, ставшему городским, жаль было стричь. Получилось. Ожил. Может быть, и не очень сибирский, но живой, а не «рабочее клише». И сразу, как рассказывал Ролан, из двух пар ненавидящих глаз заструился свет интереса и участия. Они довольные повели его к режиссеру. Он перед дверью взял у них пилочку для ногтей и попросил остаться за дверью. Вошел. На него никто не обратил внимания. Он на ходу сказал, что он телефонный мастер и приступил к делу. Разобрал аппарат до последнего винтика и проводка и, закончив, совершенно индифферентно сказал, что продолжит работу после обеденного перерыва. Анатолия Гранника подбросило. «Вы что, с ума сошли? Мы со всей страной связываемся, нам звонят целый день». Только в конце фразы он понял, что это не вполне телефонный мастер. «Все, утверждаю без проб!», — расхохотался, обняв Ролана, Анатолий Гранник.

Почти сразу у кассы, получая деньги за фотопробу и билет, он получил три предложения на роль. Одним из которых была «Шинель» Гоголя.

Студенческий театр

6 мая 1958 года в набитом зале клуба МГУ на улице Герцена при свете кинохроники и телевидения вышла на сцену А.А.Яблочкина, орденосеца, народная артистка СССР, председатель Всероссийского театрального общества. Она откинула поддерживающие ее руки и сказала: «Я стою на русской сцене семьдесят пять лет!» Зал поднялся, овация долго не смолкала. Она произнесла короткую речь и разрешила перед занавесом ленточку. Студенческий театр был открыт. Никому и в голову не пришло, что он открылся самочинно. Самочинно открыли счет, пригласили на работу пятнадцать человек, и когда Р.Быков пришел к директору дома культуры МГУ и сказал, что все готово и надо идти спрашивать разрешения на открытие театра, Савелий Михайлович Дворян, замечательный, опытный администратор, держась за сердце, что он делал регулярно, сказал сакраментальную фразу: «Этого делать нельзя». — «Почему?» — «Запретят на всякий случай. А так ЦК подумает, что разрешило МК, МК решит, что профсоюз». И так, ни у кого не спрашивая разрешения, громко и пышно открыли театр. Открылись спектаклем по пьесе чешского поэта и драматурга Павла Когоута «Такая любовь».

Билеты на спектакль достать было невозможно. «Вы видели?» — «Как, вы не видели?!» Алексей Баталов на съемках «Шинели» показал Ролану письмо Урусева, он писал о «Такой любви»: «Если не видел, бросай все и приезжай смотреть... Мы такого удовольствия не испытывали со времени Мейерхольда». Ролан записал в тетради: «...ясно, что это чересчур, но все равно очень приятно». Три фамилии были на устах у всех театралов — Быков, Саввина, Когоут. Останковку троллейбуса стали объявлять на улице Герцена «Студенческий театр!» Восторженные рецензии «Большому кораблю — большое плаванье!», «Доброго пути вам, дорогие друзья!» Высоко оценил спектакль и Павел Когоут, который после просмотра и беседы с его участниками оставил в книге почетных гостей театра следующую запись: «Дорогие! Вы меня очень обрадовали! Вы играли «Любовь» с любовью и искусством. Дискуссия с вами дала мне много нового. Если напишу хорошую пьесу, то вышлю ее вам. Ваш всем сердцем. Павел Когоут».

И вдумав в 1959 году грянуло постановление о народных театрах. Идея создания про-

фессионального театра на базе коллектива Студенческого была торпедирована. Эта легализация лишила их перспективы. Из самодеятельности стать профессиональным коллективом замечательная цель. Стать же главным режиссером народного театра МГУ — это уже нечто другое. Но верилось, что выход найдется. В это время Р.Быков получил приглашение сыграть на «Ленфильме» в дебюте Алексея Баталова роль Акакия Акакиевича в «Шинели» Гоголя. Любимый автор и роль, от которых не отказываются. Он продолжал работать в ТЮЗе, по-прежнему много там играл, оставался главным режиссером Студенческого театра. Ночные поезда, дневные самолеты, когда после съемки надо было успеть на вечерний спектакль. Четыре месяца съемок. В Студенческом бывал урывками. В правлении коллектива возникло недоверие к занятию Быкова. Им воспользовались некоторые, желая его сместить и занять его место. Они организовали протест, те люди, которых он привел с собой. Вернувшись в Москву, Ролан поставил вопрос о перевыборах правления. Его поддержали, довольных переизбрали. Только радости победы не было. Стало скучно. Ведь он хоть и был отчаянно занят, оставался верен Студенческому. В пьесе «Такая любовь» предал Учитель. Здесь предавали его. «Любовь» дала трещину. Он получил предложение возглавить Театр Ленинского комсомола в Ленинграде и принял его.

Спаси меня, великий Боже,
От доброты;
Она меня дробит и множит
До срамоты.
Она давно уж не подходит
Под времена
И, как коня, меня подводит
Под стремена.
Кругом друзья с большой дороги,
Как в страшном сне,
И редко кто не вытрет ноги
О душу мне.

Роммовцы

В своей статье «Роммовцы» Быков писал о том, что с первых ролей в кино он заболел кинематографом; любя театр, он решил с ним порвать и начать все сначала. Он писал, что слышал: если хочешь идти в кино, то надо идти к Ромму.

В роммовском объединении Быков поставил свою первую картину «Семь нянек» по сценарию Ю.Дунского и В.Фрида. Про трудного подростка, которого бригада с часового завода берет на перевоспитание. Для себя Быков, шутя, называл эту историю «Гном и семь Белоснежек». Сеня Морозов, сыгравший главную роль, после этого фильма сразу стал очень популярен.

Михаил Ильич Ромм, его объединение, атмосфера, которая царила в нем благодаря ему, была той живой средой.

Картину «Пропало лето» по сценарию А.Закка и И.Кузнецова Быков не выбирал. Ее безнадежно «завалил» режиссер, отсняв примерно 800 полезных метров. Надо было спастись объединением. Михаил Ильич попросил сделать это Быкова. Он не мог ему отказать. Уйдя в кино, Быков театр не предал. Слово «театральность», «театральности» было тогда для многих синонимом пошлости, для него же, вахтанговца, оно было свято.

И в третьем своем фильме он решил театральность привнести в кинематограф. Так вызревал замысел «Айболита-66», который он принес к Михаилу Ильичу. Ромм предложил поговорить со всеми о замысле, а с ним в последнюю очередь. Ролан поговорил со всеми, с кем было возможно, и все сказали, что снять это невозможно. Зачем собаку должен играть актер, а обезьянок — девочки? Девочкам на дереве неудобно. Михаил Ильич вытащил Ролана из комнаты, где шло обсуждение, дождавшись, когда все выскажутся. «Вот теперь слушай мое мнение, Роланчик. Из этого ни черта не выйдет, но я буду обеими руками «за». Это надо пробовать, черт побери, это талантливо! Чем черт не шутит! То, что должно получиться, не получается, а то, что не должно выйти, — почему-то выходит! Может, и выйдет...»

Михаил Ильич внедрял в режиссеров мысль, что с перезаписью они не заканчивают работу над фильмом. Не заканчивается она и премьерой в Доме кино. Необходимо быть лощаном своей картины и суметь провести ее через все подводные рифы до положенного ей успеха. Этот урок был Быковым усвоен, хотя цена его порой была непомерно высока, как инфаркт после выхода на экран фильма «Чучело».

● «Автомобиль, скрипка и собака Клякса». Рабочий момент

(Окончание на стр. 10)